

Гісторыя

- ⁵ Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 125, 128–129.
- ⁶ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937. С. 574 и карта.
- ⁷ Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 125, 128–129.
- ⁸ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 159.
- ⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 1. С. 7–10.
- ¹⁰ Юшко А. А. О пределах Московского княжества Ивана Калиты // Советская археология. 1985. № 2. С. 116.
- ¹¹ Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. // Историческая география России. XII – начало XX в.: Сборник статей к 70-летию профессора Л. Г. Бескровного. М., 1975. С. 47.

Темушев Виктор Николаевич – преподаватель кафедры истории России.

Е. В. ЖИТЬКО

ВЫПУСКНИКИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ НА СЛУЖБЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ГЕРМАНИИ (вторая половина XIV–XV в.)

Процесс интеграции нового поколения юристов в ведущие позиции административно-правовой практики, традиционно занимаемой на протяжении XIV–XV вв. дворянами, завершился в XVI в. Университетское образование становилось необходимым фактором общественной жизни Германии, что объяснялось возросшей потребностью в юристах на службе церкви, светской власти и городов. Социальная структура обучавшихся в высших школах сместилась от клириков, имевших доходные церковные бенефиции, к патрициату, от статуса “странствующих школяров” к учебе для дальнейшей карьеры на службе у королей и территориальных князей, к четко выраженным мотивам университетских штудий. Изменяются приоритеты от теологии и средневековой философии к юриспруденции, к желанию светской и церковной власти “организовать и дать привилегии юристам, сформировать определенное профессиональное самосознание” рассматриваемой академической группы¹.

Прерогатива образования подтверждается постановлением папского легата от 1427 г. о том, что должность официала (церковного судьи) может быть занята доктором или лицензиатом права². Подобные распоряжения встречаются и в городской канцелярии. Например, в Вене в 1554 г. необходимой предпосылкой для работы в качестве адвоката, прокуратора или нотариуса являлось обучение на юридическом факультете университета³. Документальное подтверждение необходимости привлечения королевской властью компетентной юридической силы встречается в 1438 г. в проекте реформ имперского мира короля Альбрехта II (1438–1439), в распоряжениях имперского верховного суда, занятого “мудрыми, понимающими рыцарями и учеными”, а уже в 1495 г. имперский верховный суд предусматривал паритетное занятие должностей в суде докторами и рыцарями, причем последние по возможности должны были быть образованы в праве⁴. Допуск к должности прокуратора предполагал не только юридическую степень, но и дополнительно теоретические, практические экзамены для соискателя членами верховной судебной палаты⁵.

Приведем данные о персонале королевской администрации, имевшей университетское образование. Просопографические исследования с 1273 по 1493 г. показали, что юристов североальпийского происхождения насчитывается 230 человек (в это число не входят итальянские правоведы, особенно представленные во времена короля Сигизмунда (1410–1437)). Ко времени 1273–1347 гг. относятся 27 (12 %), 1346–1410 гг. – 65 (28 %) и, на-

конец, 1410–1493 гг. – 138 лиц (60 %), что свидетельствует о пути “онаучивания” и “юридификации” королевского двора. Широкое привлечение компетентной юридической силы времен Фридриха III (1439–1493) подтверждает эту тенденцию: только в годы его правления упоминается в источниках 109 имен юристов (47 % от общего числа)⁶. Таким образом, можно констатировать определенную возрастающую потребность в юристах, имевших университетское образование, занятых на службе германских королей периода второй половины XIV–XV в., закрепленную в свою очередь постановлениями королевской администрации.

Какое конкретное применение находили юристы при дворах германских королей/императоров? Судебное делопроизводство Германии позднего Средневековья находилось под общим руководством членов старого административного аппарата с традиционными формами управления, но все же ведущие канцелярские должности были заняты выпускниками юридических факультетов. Канцелярия была и оставалась важнейшим центром текущего делопроизводства при дворе. Помимо канцелярии, юристы привлекались чаще всего в качестве советников или секретарей. Обратим внимание на нестабильность состава королевского двора изучаемого периода, не имевшего четко зафиксированных функций и определенного процесса голосования. По мнению историка Петра Морава, “дворянское происхождение и меч были более действенным фактором, чем докторский берет и пергамент”⁷. Юристы активно использовались в первую очередь для контактов с папским двором, в качестве дипломатов и послов, для урегулирования спорных вопросов с городами, на заседаниях рейхстагов и т. д. Но по мере усложнения деятельности королевской администрации расширялась и сфера участия лиц, в чьем распоряжении было академическое образование.

На юридических факультетах предпочитали обучаться дети дворян и городского патрициата (особенно во второй половине XV в.). Судьи, адвокаты, получившие университетское образование, постепенно вытесняли дворянство из традиционно занимаемых ими сфер. Изучение права в высшей школе давало определенные шансы: либо преодолеть сословные различия для студентов-недворян или же закрепить их, как было в случае с дворянами. В противоположность утверждению Герберта Грундмана о том, что университет давал равные возможности для всех его членов, приходится констатировать определенные привилегии, существовавшие для дворян, внутри стен *alma mater*⁸. Например, в Монпелье согласно статутам XIV в. результат экзамена на соискание степени лиценциата был известен по истечении трех дней, дворяне же получали результат сразу. Они были также освобождены от всевозможных предписаний при найме квартир, получали лучшие места в аудиториях и университетских процессиях⁹. Специфика учебы на этом факультете была связана с большими расходами. По данным исследователя Фридриха Рота, на примере аугсбургского юриста Иеронимуса Фрешеля расходы на весь срок учебы (12 лет) составляли более 1500 гульденов, что могли себе позволить дети богатых родителей¹⁰. Можно констатировать относительную социальную гомогенность данной академической группы, в которую, как правило, входили два сословия: мелкое дворянство и крупное бюргерство, имевшие возможность тратить большие средства на обучение на юридическом факультете. Число бюргеров, причем среди учащихся-юристов, постепенно возрастает к концу XV в.

Выгодность учебы на юридическом факультете высших школ была очевидна и для самих студентов. По мнению историка Карла Хайнца Бурмайстера, уравнивание по социальному статусу доктора права с мелким дворянином делало профессию юриста динамичной и наполненной разнообразной деятельностью, очень привлекательной для тогдашней университетской публики¹¹. Так, в регистрах германского императора Карла IV (1346–

1378) от 30 сентября 1360 г. мы находим, что король жалует в дворянство "Фроша Веккера, каноника церкви св. Стефана в Майнце, своего капеллана и придворного посла, за его редкостное знание права и научное образование"¹².

Большой честью считалось быть студентом права и посещать лекции по юриспруденции. Удовлетворенность учебой на юридическом факультете звучит в письме Иоганна Фер ан Аммербаха (1545): "Я не переживал большей радости в тот день, когда я приходил со школы, где обучались праву"¹³. Мотивы, которыми руководствовались студенты, принимая решение учиться на юридическом факультете, были престижными. О высоком статусе обучавшихся правовым наукам свидетельствует клятва доктора юридического факультета из статутах Базельского университета 1511 г., когда он присягает в день промоций при законотворчестве руководствоваться правом, справедливостью и правосудием, тем самым признавая свою принадлежность к юридической профессиональной группе, законам которой он должен подчиняться¹⁴.

Приобретение дворянских привилегий, общение с влиятельными лицами, чувство собственной профессиональной востребованности, не в последнюю очередь возможность заработать были стимулами для учебы. Так, несмотря на финансовые трудности, король Сигизмунд был щедр к своим юридическим советникам. Юрист Чизала, находившийся на службе короля, получил свою зарплату в размере 600 дукатов, что в то время составляло намного больше, чем 200 рейнских флоринов, которые получал состоявший на городской или княжеской службе юрист (хотя позже эта сумма стала средней зарплатой). Австрийский эрцгерцог Альбрехт VI в 1450 г., пытаясь переманить из Нюрнберга известного юриста Грегора Геймбурга, гарантировал ему годовой доход в размере 600 рейнских флоринов¹⁵.

Юридический факультет отличался своей специфичностью в рамках университета. В Средние века имелось представление о том, что „Гален, т. е. медицина, дает богатство, Юстиниан, юриспруденция, дает почести и должности, а артисты должны ходить пешком"¹⁶. „Кто занимается логикой, тот в поте лица съедает хлеб свой, – говорилось в одной студенческой песне, – пред юристами же растворяются двери дворцов"¹⁷. На это же указывает знаменитый чешский проповедник Матвей из Янова, лицо весьма близкое к университетским кругам. Он отмечает, что во всех университетах, имеющих полный состав факультетов, все высокородные и богатые занимаются изучением законов и канонического права, и называет причины этого явления, что изучение канонического права и получение ученой степени на юридическом факультете дает возможность быстрого приобщения к верхушке духовного сословия, „к обогащению и стяжанию светских почестей"¹⁸.

Как отмечает историк Р.А. Мюллер, в 1497 г. профессор Ингольштадтского университета даже жаловался, что "студенты-юристы избалованы", не подчиняются студенческому порядку в ношении одежды¹⁹. Порой это неравенство между юристами и студентами других факультетов выражалось в открытом столкновении с другими членами *universitas*. Имеются даже сведения из истории университетской жизни о так называемой „беретной стычке" 1497–1498 гг. между юристами-бакалаврами и артистами-магистрами в Гейдельберге: берет как символ определенного положения первого ранга был знаком отличия для магистров, и его запрещалось носить неградуированным, за исключением школяров права²⁰. Известно, что в лекториях юридического факультета при распределении мест между студентами соблюдалась известная иерархия: существовали, например, скамейки для знатных²¹.

Ведущими высшими школами на территории Германии, в которых готовились специалисты в области права, были прежде всего Пражский, Гей-

дельбергский и позже Венский университеты. Очевидно, что студенты предпочитали обучение в высших школах, близко прилегающих к наследственным территориям германских королей, что обеспечивало близость ко двору императора, а значит, возможность контактирования с влиятельными лицами. Так, из 13 известных нам юристов короля Вацлава (1378–1419) девять учились в Праге (резиденция Люксембургов), а время Рупрехта I (1400–1410) демонстрирует нам случай совмещения деятельности двора и университета. Патронаж, клиента, различные родственные связи или нужные знакомства во время учебы являлись важным фактором при выборе университета.

Большая часть немецких юристов посещала не только высшие школы Германии, но также охотно обучалась за границей, в частности в Италии и Франции. Получение образования в этих университетах стало традиционным еще с тех пор, когда не было университетов на внутримперской территории. Обучение за границей, кроме того, облегчалось существованием грамоты Фридриха Барбароссы болонским школярам 1158 г., способствовавшей передвижению и сохранению прав студентов, что было важным фактором в условиях средневековой Европы. „Имея постоянное попечение о всех учениках, которые путешествуют ради получения знаний, и особенно заботясь о профессорах божественного и священного права, мы, руководствуясь нашим благочестием, даруем им милость. Чтобы как сами они, так и их посланцы в полной безопасности путешествовали к местам, в которых они совершенствуются в науках, так и спокойно там обитали“, – писалось в грамоте²².

Учеба в итальянских университетах была выгодна выходцам из Германии, поскольку высшие школы Италии не знали деления на бакалавриат и лиценциатство (здесь получали сразу степень доктора), что давало возможность значительно экономить средства. Наиболее популярными университетами для немцев в Италии считались Падуанский, Болонский с его многочисленной немецкой нацией (1289–1562 г. к ней принадлежало 4400 учащихся)²³. Пребывание в Италии было дорогим удовольствием. Содержание и обучение в Болонье для обеспеченной семьи, например, составляли 100 болонских фунтов. В среднем содержание студента с учетом платы за жилье в год колебалось между 20 и 50 фунтами (ночной сторожевой Италии конца XIII в. зарабатывал в год 12, нотариус – 60, получавший от коммуны ежегодное жалованье профессор – 100–300 фунтов)²⁴. Вне сомнения, учеба в итальянских университетах предоставляла более успешные карьерные возможности.

В окружении германских королей/императоров этого периода (вторая половина XIV–XV в.) наблюдается большое число юристов, обучавшихся в итальянских высших школах, что служило определенным „профессиональным сертификатом“. Начиная с середины XIV в., со времен Люксембургов – Карла IV (1346–1378) и его сына Вацлава (1378–1419), а затем Рупрехта I из династии Виттельсбахов (1400–1410), отмечается активное привлечение юристов королевской властью. Большинство юристов-советников Люксембургов принадлежало к крупному бюргерству и финансовой элите. Будущий канцлер Карла IV, а позже бреславский епископ Прецлау фон Погарель, например, учился в Болонском университете; нотариус Рудольф Руле, который окончил Пражский университет, находился на ведущих канцелярских постах с 1354 по 1367 г. и во время своей службы получил епископство в Вердене²⁵. Можно привести также пример Николая фон Крапитца из Верхней Силезии, бывшего студента канонистики Падуанского университета (1366–1368 г. служил в канцелярии); духовный советник Карла IV, Пражский архиепископ Эрнст фон Пардубиц (1343–1364), который после нескольких лет учебы в Болонском университете продолжил свои штудии в

Падуанском, где получил степень лиценциата церковного права²⁶. Десятилетие Рупрехта Пфальцского (1400–1410) характеризуется сильной юрификацией двора и возможностью стажироваться в Италии многим его членам²⁷. Известный юрист, Иоб Фенер, обучаясь в Париже и Болонье, приобрел степень доктора обоих прав. Показательным является пример протонотариуса Эглофа фон Кнерингена – сначала студента Венского университета, затем лиценциата церковного права в Болонье. Названные отдельные факты биографий демонстрируют общую тенденцию растущей интеграции ученых-юристов, получивших преимущественно итальянское юридическое образование, в жизнь двора, канцелярии и прочих институтов королевской администрации второй половины XIV–XV в.

В позднем Средневековье, как известно, в университетах изучалось церковное (каноническое), гражданское (римское) или же оба права. Средневековые лекции права опирались на незначительное число правовых источников, одинаковых во всех университетах. В основном это были корпус канонического и гражданского права. Если сопоставить соотношения кафедр одного и другого права в немецких университетах, то можно отметить перевес канонистики: Базель 1459 г. – 3:1, Фрейбург 1479 г. – 2:1, Гейдельберг 1452 г. – 3:2, Тюбинген 1477 г. – 3:2 и т. д., хотя и наблюдается возрождение традиций римского права (до этого легистика почти не была представлена)²⁸.

Обучение на юридическом факультете предполагало также получение академических степеней: бакалавра, лиценциата и доктора. Рассматривая списки докторов Кельнского университета, можно отметить, что учебный процесс, включая получение степени, длился в 1460–1464 гг. семнадцать с половиной лет, 1470–1479 – пятнадцать и 1480–1489 – двенадцать с половиной лет, в среднем – 15 лет, из которых до получения звания бакалавра требовалось учиться от двух до пяти лет, лиценциата – от пяти до семи, для промоций в обоих правах – примерно шесть лет²⁹. Присуждение степени доктора права приравнивалось к дворянскому статусу. В свое время существовал даже один анекдот, что пожалованный императором Сигизмундом в рыцарское звание юрист Георг Фисцеллинус был осмеян, поскольку на Базельском соборе был очень нерешителен по поводу того, где же он должен сидеть – между докторами или рыцарями³⁰. Расходы на промоции на юридическом факультете были очень высокие. Взносы на получение степени доктора уже в XV в. в Лейпциге составляли 250 дукатов, в середине XVI в. в Кельне – 300–400 талеров, в Лейпциге 1579 г. – 350 гульденов и 60 талеров, во Фрейбурге 1524 г. – 30 гульденов, для праздничных промоций – 70 гульденов.

Дорогостоящие промоции вызывали недовольство среди учащихся. Чтобы предупредить злоупотребления докторов, Венские статуты 1389 г. предусматривали запрет на получение докторами части денег от взносов во время промоций³¹. Размер взносов был также различен: для бакалавра в Гейдельбергском университете в 1394 г. взнос составлял два гульдена, в Вене (1389 г.) – три, в Эрфурте (1398 г.) – шесть, в обоих правах – в два раза больше; для лиценциатства: в Вене (1389) – восемь, Эрфурте (1398) – тридцать пять.

В целом можно отметить небольшое число выпускников юридического факультета, имевших академическую степень, поскольку само наличие университетского юридического образования предоставляло хорошие возможности для создания карьеры. В случае же, когда юрист имел какое-нибудь ученое звание, то отмечалась впоследствии довольно успешная профессиональная деятельность (например, Иоганн фон Лейтомишль после обучения в итальянских и германских высших школах стал придворным канцлером Карла IV; Иоганн Назо, получив степень доктора в обоих правах, занял пост советника короля Вацлава и т. д.).

Подводя итог, отметим возраставшую потребность государства, в данном случае германских королей периода второй половины XIV–XV в., в юридически образованных кадрах, занятых в канцелярии, при дворе, верховной имперской палате, в различных дипломатических миссиях в качестве канцлеров, нотариусов, секретарей и т. д. Юристами главным образом становились представители мелкого дворянства и крупного бюргерства. Получение образования в университетах Италии, Германии и особенно присвоение академических степеней по их окончании являлось своеобразным “социальным свидетельством” дальнейшего успешного роста карьеры. “Даже слабый король все равно оставался королем юристов”³². Политическое “уплотнение” империи, “онаучивание” жизни двора, формирование правовой культуры – все это в немалой степени заслуга университетски образованного юридического персонала.

¹ Koschaker P. Europa und das romische Recht. Munchen; Berlin, 1966. S. 159.

² Coing H. Romisches Recht in Deutschland. Mailand, 1964.

³ Kink R. Geschichte der kaiserlichen Universität zu Wien. Wien, 1854. Bd. 2. S. 378; Aschbach J. Geschichte der Wiener Universität. Wien, 1865–1888. Bd. 3. S. 84.

⁴ Smend R. Das Reichskammergericht. Erster Teil: Geschichte und Verfassung // Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des deutschen Reiches im Mittelalter und Neuzeit. Weimar, 1911. S. 246.

⁵ Reichsordnung des heyligen Romischen Reichs. Worms, 1541. Bl. XLVI.

⁶ Moraw P. Die gelehrten Juristen im Dienst der deutschen Könige des späten Mittelalters (1273–1493) // Die Rolle der Juristen bei der Entstehung des modernen Staates / hrsg. von R. Schnur. Berlin, 1986. S. 143.

⁷ Ebd. S. 144.

⁸ Grundmann H. Vom Ursprung der Universität im Mittelalter. Darmstadt, 1964. S. 19.

⁹ Kaufmann G. Geschichte der deutschen Universitäten. Graz, 1958. Bd. 2. S. 292.

¹⁰ Roth F. Der Augsburger Jurist Dr. Hieronymus Froschel und seine Hauschronik von 1528 bis 1600 // Zeitschrift des historischen Vereins für Schwaben und Neuburg. Augsburg, 1912. S. 17.

¹¹ Burmeister K.-H. Das Studium der Rechte im Zeitalter des Humanismus im deutschen Reichsbereich. Wiesbaden, 1974. S. 14.

¹² Die Regesten des Kaiserreichs unter Kaiser Karl IV 1346–1378 aus dem Nachlasse Johann Friedrich Bohmens / hrsg. von A. Huber. Innsbruck, 1877. Bd. 8. S. 2.

¹³ Hartmann A. Die Ammerbachkorresponden / hrsg. von B. Jenny. Basel, 1942–1967. Bd. 6. S. 136.

¹⁴ Kisch G. Die Anfänge der Juristischen Fakultät der Universität Basel 1459–1529 // Studien zur Geschichte der Wissenschaften in Basel. Basel, 1962. S. 321.

¹⁵ Heinig P.-J. Gelehrte Juristen im Dienst der römisch-deutschen Könige des XV Jh. // Recht und Verfassung im Übergang vom Mittelalter zur Neuzeit / hrsg. von H. Bookman, L. Grenzmar, B. Moller, M. Stachem. Göttingen, 1998. Teil 1. S. 167–183, 171.

¹⁶ Суворов Н. Средневековые университеты. М., 1898. С. 151.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Дювернуа А. Станислав Зноемский и Ян Гус. М., 1871. С. 34.

¹⁹ Müller R.-A. Universität und Adel. Eine soziokulturelle Studie zur Geschichte der bayerischen Landesuniversität Ingolstadt 1472–1648. Berlin, 1974. S. 102.

²⁰ Urkundenbuch der Universität Heidelberg / hrsg. v. E. Winkelmann. Heidelberg, 1886. Bd. 1. Nr. 23. S. 44.

²¹ Липатникова Г. И. К вопросу о социальном составе Пражского университета в конце XIV – начале XV вв. // Ученые записки института славяноведения. М., 1957. Т. XV. С. 318.

²² Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. / Под ред. Е.А. Москаленко. Воронеж, 1973. С. 45.

²³ Acta Nationis Germanicae Universitatis Bononiensis / Ed. E. Friedlaender, C. Malagola. Bologna; Berlin, 1887.

²⁴ Maleczek W. Deutsche Studenten an den Universitäten in Italien, in: Kommunikation und Mobilität im Mittelalter. Begegnungen zwischen dem Süden und der Mitte Europas (XI–XIV Jh.) / hrsg. von S. Rachewiltz und J. Riedmann. Sigmaringen, 1995. S. 82.

²⁵ KÜthner W. Rudolf Rule von Friedberg, Propst zu Wetzlar, Bischof von Werden und Notar Kaiser Karls IV // Archiv für hessische Geschichte und Altertumskunde. Berlin, 1979. S. 79–151.

²⁶ Роег J. Karl IV und sein Kreis / hrsg. von F. Seibt. München; Wien, 1978. S. 25–42.

²⁷ Moraw P. Kanzlei und Kanzleipersonal des Königs Ruprechts // Archiv für Diplomatik. München, 1969. S. 428–531.

²⁸ Burmeister K.-H. Ebd. S. 74.

²⁹ Eulenburg F. Die Frequenz der deutschen Universitäten von Ihrer Gründung bis zur Gegenwart // Abhandlungen der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig, 1904. S. 232.

³⁰ Friedberg E. Die Leipziger Juristenfakultät, Ihre Doktoren und Ihr Heim 1409–1909. Leipzig, 1909. S. 37.

³¹ Burckhard H. Andreas Gaill. Festrede zur Feier des 305. Stiftungstages der koniglichen Julius-Maximilians-Universitat. Wurzburg, 1887. S. 4.

³² Moraw P. Ebd. S. 146.

Житько Елена Васильевна – аспирантка кафедры истории древнего мира и средних веков. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Л.П. Сушкевич.

В.И. МЕНЬКОВСКИЙ

ДИСКУССИЯ О МАСШТАБАХ «СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одной из положительных черт постперестроечного периода является процесс сближения между российскими, американскими и европейскими историками. Отражением этой ситуации стало продолжение изучения одного из самых острых и дискуссионных вопросов истории сталинского периода – оценки масштабов террора 1930-х гг., остававшейся предметом спора в англо-американской советологии в течение всего послевоенного периода. Долгие годы исследователи не имели доступа к достоверным данным и могли опираться только на недокументированные свидетельства, значительно отличавшиеся друг от друга, проверить которые было невозможно.

Сложившаяся концептуальная характеристика роли политического террора в коммунистических системах определяла его как произвольное использование органами политической власти жесткого насилия против личностей или групп или реальную угрозу такого использования. При этом не всякое насилие оценивалось как террор, поскольку «обычные» насильственные средства оставляли жертвам возможность сориентироваться и предусмотреть последствия определенных действий. Террор не давал таких возможностей, не обеспечивал неприкосновенность даже для конформистов. Как писал З. Бжезинский, в условиях террора «неудача может означать потерю жизни, но даже успех не гарантирует свободу и безопасность»¹.

А. Даллин и Г. Бреслауэр подчеркивали, что из всех инструментов, имеющихся в арсенале государства, террор является крайним средством, к которому оно прибегает тогда, когда все остальные исчерпаны. В определенном смысле террор во внутренней политике равнозначен войне во внешней – любое правительство предпочтет использовать более ограниченные или общепринятые средства для сохранения или укрепления своих позиций. Но сама способность режима прибегать к террору может позволить достигать намеченные цели без его использования. Угроза произвольного насилия может быть такой же действенной, как его применение².

Рассматривая террор как важную составляющую сталинской системы, анализируя различные его стороны, англо-американские авторы не всегда имели возможность дать общую количественную оценку влияния сталинизма на демографическую ситуацию в СССР. Первым серьезным исследованием данной проблематики стала книга Д. Даллина и Б. Николаевского «Лагерь принудительного труда в Советском Союзе», опубликованная в 1947 г.³ Для выявления масштабов применения принудительного труда авторы использовали целый ряд источников: оценки бывших советских официальных лиц и заключенных, оказавшихся на Западе; свидетельства иностранцев, посещавших Советский Союз, и польских заключенных советских лагерей; данные о количестве газет, поступавших в лагерь; опубликованные цифры о некоторых исправительно-трудовых лагерях.

В 1948 г. Н. Тимашев использовал другую методику подсчета численности заключенных в лагерях. Он проанализировал количество людей, не

¹ Здесь и далее – перевод с английского автора.